

Поэтами не рождаются. Поэтами умирают

Подверстывая его стихи к нашей полемике, мы до сих пор толком не пожалели Пушкина

Где-то в конце января появляется ощущение, что год уже прожит, и тогда непонятно, зачем февраль. А февраля и не было у Пушкина в 1837 году. Февраль был приклеен к его биографии уже в 18-м году, когда упразднили «старый стиль».

Дуэль назначили на 27 января. В то утро Пушкин «встал весело в восемь часов, после чаю много писал — часу до 11-го, с 11 — обед. Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни». Около 12 часов к Пушкину зашел библиотекарь Ф. Цветаев. За час до ухода из дома написал письмо Александру Ишимовой.

«Затем стал готовиться, — записал со слов домашних Жуковский, — начал одеваться, вымылся весь, все чистое, велел подать бекешь... вышел... возвратился». Переоделся в шубу и быстро бежал по лестнице. Забыл надеть нашокинское кольцо с бирюзой, подаренное другом весной 1836 года — «от насильственной смерти». Может, Пушкин и вспомнил о нем, но более возвращаться не стал.

Он вернулся уже в темноте, был виден свет в окнах столовой, где все накрыли к обеду. Данзас велел камердинеру спуститься за баринном. Никита вынес Пушкина на руках из кареты. «Грустно тебе

нести меня?...» — ласково спросил Пушкин.

За полгода до гибельного января, летом 1836 года, в гостях у Пушкина был Карл Брюллов, только вернувшийся из Италии. Пушкин оставил Брюллова в полутемной гостиной, а потом стал приносить к нему на руках одного за другим своих детей — показывать, похвастаться малышами. Как весело, как приятно ему было нести их по тихому своему дому.

...Никита положил барина на диванчик в кабинете. Через несколько дней Никита будет растерянно стоять в передней, сжимая в руках тяжелые часы в форме готической башни, подаренные ему на память о Пушкине.

Из всех фраз, сказанных Пушкиным после дуэли и заботливо записанных его друзьями, во мне более всего болит грустный вопрос: «Грустно тебе нести меня?...»

В этой боли есть тень пока неясной мне и моей вины. Смутная эта вина, может, от того, что, отдавая поэту ритуальные почести в юбилейные дни, подверстывая его стихи к нашей полемике, мы до сих пор толком не пожалели Пушкина.

В нашем сердечном отношении к поэту так мало этого главного чувства, с которым относятся к ближнему, — жалости. Раньше казалось, что

жалость не нужна для понимания.

«Страна не пожалеет обо мне...» — написал в 60-е годы Геннадий Шпаликов. Написал о себе, но это, мне кажется, и о Пушкине. Тогда, в январе 1837 года, началось это нежелание, этот холод государственный, погубивший потом многое и многих.

Александр Первый, возможно, приехал бы проститься с поэтом. Николай Первый уже лишь «контролировал обстановку». Что стоило Николаю Павловичу приехать на Мойку, что стоило не ограничиться официальным прощением за дуэль и сказать нечто большее?... История наша могла бы тогда пойти иначе.

Жуковский: «Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом государя... «Вот как я утешен! — сказал он. — Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья в сыне, что я желаю ему счастья в его России».

Из доклада императору генерал-аудитора Ноинского от 17 марта 1837 года: «...Преступный же поступок самого камер-юнкера Пушкина, подложившего равному с подсудимым Геккереном наказанию... по случаю его смерти предать забвению. Резолюция государя: «Быть по сему...»

Запись из расходной книги дома Пушкиных от 28 янва-

ря: «Сургуч — 40». Это значит, что за 40 копеек куплен сургуч. Пушкин еще жив, а из Зимнего дворца уже прислали распоряжение: опечатать кабинет. Для защиты от беспорядков присланы жандармы, они стараются не шуметь, но их восемь человек, они топают по комнатам и по лестницам и за это топтание получают из семейного бюджета Пушкиных по 30 копеек в день на брата — за постой.

Пушкин предполагал не умирать, а жить. Кажется, целые тома написаны о его усталости, о предчувствиях, о том, что он, высказавшись до конца, искал смерти. Его предположение жить как-то забылось нами, как и слова друзей, видевших его накануне дуэли «веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости» (Александр Тургенев).

К концу 20-го века мы, кажется, должны были оказаться на пороге абсолютного понимания поэта. Великие наши пушкинисты много для этого сделали. Но не хватает какой-то малости, прояснения последней загадки, последнего вопроса.

«Грустно тебе нести меня?...» Грустно нести этот вопрос.

Есть легенда о том, что смертельно больного Тютчева приводило в сознание лишь имя Пушкина.

В канун 200-летия со дня рождения поэта мы еще не раз с надеждой зададимся вопросом: приведет ли в сознание мыслящую Россию имя Пушкина? В сознание долга, «назначения, судьбы?»

Только на фоне Пушкина, на фоне такой ясности станет понятно, как уклонились мы от собственного призвания в безоглядном стремлении стать чем-то наоборот, вывернуться наизнанку. На фоне Пушкина бледнеют идейные потасовки, за которыми нет ничего, кроме нового разорения. На фоне Пушкина открывается близорукость наших ясновидящих, вечно зовущих в вечный поход за свободой.

Мы так и не решили, что для нас свобода, певцом которой так долго называли Пушкина? Что для нас свобода — государственное ли устройство, внутреннее, душевное? Или то и другое вместе?

Наше сознание, поглощенное очередной мыльной оперой, охнет в жалости к Пушкину.

«Тяжеловесным словом ударял я в грудь мою и ощутил в груди моей отраду», — писал современник Пушкина, послушник глухого северного монастыря Дмитрий Брянчанинов.

Кажется, никогда мы не были так далеки от Пушкина по всему внешнему строю

жизни, но также никогда на памяти не были так близки с Пушкиным внутренне в лучшие наши часы.

Много поколений сменилось с пушкинских времен. Но быть может, мы будем первым поколением, осознавшим в этом свое счастье — в том, что мы живем с Пушкиным?

Мы — послесловие к Пушкину, и в этом наша свобода.

В прошлом феврале я чудом, на одну ночь, попал в Михайловское. Я был, кажется, один постоялец во всей пушкинградской гостинице.

Администратор смотрела вниз «Поле чудес», я же бродил по этажам в поисках горничной и чая. Наконец в конце темного коридора я увидел свет. В холодной комнате, закутавшись в серый платок, сидела на стуле и дремала горничная. А рядом стоял чайник.

— Чая нет, сынок. Вот кипятка, если хочешь...

Я взял стакан кипятка и пошел с ним на свой этаж. В темные окна скреблись ветки.

Среди ночи я проснулся, отодвинул штору. На землю падало снежное небо. Шел густой-густой снегопад, его тайный шум заполнил весь мир, и только его было слышно...

29 января (10 февраля по новому стилю) в 2 часа 45 минут пополуночи помолчим о Пушкине.

Дмитрий ШЕВАРОВ.